

ПАМЯТЬ

ЛЯМАН БАГИРОВА

Ветер

*Твой голос уже относило.
Века
Входили в глухое пространство
меж нами.
Природа
в тебе замолчала,
И только одна строка
На бронзовой вышке волос,
как забытое знамя,
вилась
И упала, как шелк,
в темноту.*

В.Луговской. «Пепел»

Пустая сцена, деревянные подмостки. Свет дежурной лампочки. Театр похож на сарай. Еще нет действия, а значит, жизни. Пока...

Через три минуты зажжется первый софит, потом второй, потом проверят огни рампы. Обычная подготовка к спектаклю. Но волшебство началось. Театр живет. Жизнь – театр...

Удивительное свойство человеческой памяти – она, подобно первому лучу театрального света, выхватывает воспоминания из темного сарая нашего бытия. Счастье, когда воспоминания отрадные или светлопечальные. Их хочется смаковать, как драгоценное вино. По большому счету, как говорила героиня одного американского фильма, мы уносим с собой в вечность только десяток хороших впечатлений. Надо успеть запастись ими. Впечатления могут быть разными: от встреч с людьми, любви, путешествий, общения с книгами, до знакомства с новыми блюдами и общения к веселому или прекрасному.

Одно воспоминание – как маленькая яркая звезда вспыхнула в моем мозгу. Оно уютно дремало на дне памяти не более как свидетельство ее фотографической точности. И лишь сейчас явилось из давно утраченного бытия для размышления, для сердечной теплоты... Время перестает быть прошлым, становится прошедшим продолженным. Своего рода Past Continuous...

...1979 год, Ялта... Разномастная группа экскурсантов. В их числе я с родителями. Ветреный солнечный день. Волны разбиваются о камни набережной, рассыпаются тысячами соленых брызг. Веселые брызги долетают до меня, оседают мелкими каплями на шелковом любимом платье, на брикете лимонного мороженого

(никогда больше в жизни мне не приходилось есть столь чудесного пломбирного мороженого в твердой лимонной глазури. Со стороны может показаться, что у меня в руках нарядный бело-желтый нарцисс!). Ветер срывает соломенную шляпу. Одурающе пахнут кипарисы и сиреневые заросли розмарина. Не так далеко от дома-музея Чехова. И от старинного парка Дома творчества им. Чехова, куда экскурсовод настойчиво приглашает нас. Голос ее срывается до придыхания. В конце парковой аллеи – громадный почерневший камень, покрытый редкой растительностью – обломок скалы. «В этом камне, – благоговейно произносит экскурсовод, – покоится сердце поэта Владимира Александровича Луговского». Раздается синхронное «Ах!», и экскурсовод, окрыленная нашим изумлением, продолжает:

– Да-да! Он очень любил Крым, особенно Ялту, каждый Новый год встречал здесь, в Доме творчества. А еще Луговской после войны однажды придумал праздник – День поэзии. Позже День поэзии пошёл из страны в страну, по всему миру. Это всё Луговской. Он очень любил Ялту. И нередко говорил, что его сердце принадлежит этому чудному городу. И когда он умер, жена сделала так. Купила два ящика коньяка. С одним ящиком она явилась в мертвецкую и уговорила сторожа позволить ей вырезать у мужа сердце. Вырезать сердце – легко сказать! – это не локон с головы срезать. Но она смогла. Сама! Своими руками! Другой ящик пошел в уплату крановщику, которого она попросила посодействовать в этой аванюре. С его помощью была сдвинута в любимом поэтом месте Ялты скала. Жена положила под нее капсулу с сердцем мужа. Потом скалу аккуратно опустили на место. Самого поэта с честью похоронили на Новодевичьем. А здесь так и осталась скала с сердцем поэта на высоте 3-4 метров над уровнем дороги¹.

Группа экскурсантов послушно ахала, изумляясь. Трогали скалу, где на высоте 3-4 метров над уровнем дороги было замуровано сердце поэта. К памятному месту был прикреплен круглый бронзовый барельеф с изображением Луговского. Имя Владимира Луговского еще не было покрыто мраком забвения. Это сейчас – назови, если кто-то и вспомнит, – уже великое дело.

– О нем все говорили, что он был добрым человеком, – тихо подытожила экскурсовод.

Самая лучшая эпитафия ушедшему человеку и похвала живому – добрый.

Мы молча постояли возле скалы, откуда открывался потрясающий вид. Здесь поэт любил подолгу стоять, глядя на море, об этом написал стихи:

*Здесь, у скалы, где молодость моя
На мир ночной так жадно, так взволнованно глядела,
Дай руку – посмотри и ты, дыханье затая,
На эти серебристые края,
На это мощное морское тело.*

Это уже потом охотники за цветным металлом сорвали барельеф. На старой скале остались только следы от крепёжных винтов, а в её глубине по-прежнему спрятано сердце поэта, о котором говорили, что он был добрым человеком.

«И тут, и там Луговской, как некий мудрый и добрый Гулливер, согривал своей душевной теплотой, как своим дыханием, всё живое.

Он был добр. Он был расположен к простым людям и простодушным зверям.

¹от редакции: есть несколько вариантов этой истории. В данном случае – это эмоциональный рассказ экзальтированного экскурсовода.

Из этой доброты и желания счастливых дней, счастливых месяцев и целых счастливых столетий, из желания, чтобы истинное счастье навсегда поселилось на нашей земле, и родилась его поэзия», – так вспоминал о нем К.Паустовский.

Поистине, лучше не скажешь.

Был добрым – значит, в высшей степени хорошим.

Владимир Александрович Луговской (18 июня (1 июля) 1901, Москва – 5 июня 1957, Ялта, похоронен в Москве) – русский советский поэт, переводчик.

Родился в Москве, в семье певицы и учителя, преподававшего русскую литературу в гимназии. Отец был широко образованным человеком, историком и археологом, знатоком живописи, скульптуры и архитектуры. Его любовь к русскому искусству оказала на сына огромное влияние. В 1918 г., досрочно окончив 1-ю московскую гимназию, поступил в Московский университет, но вскоре уехал на Западный фронт, где служил в полевом госпитале. Октябрьская революция и гражданская война диктовали свои условия жизни.

Забегая вперед, скажу, что Луговской нигде и никогда в своем творчестве не возвращался к миру дореволюционной интеллигентной семьи, то есть к миру, из которого он и сам был родом. Может быть, в одном или двух стихотворениях он вскользь коснулся воспоминаний об этом мире. Но коснулся не с ностальгией, не с теплой тоской об утраченной Атлантиде, а лишь констатируя факт ее уже небытия.

*На хорах просторно и пусто,
Лишь тени качают крылом,
Столетние царские люстры
Холодным звенят хрусталем.*

После возвращения с фронта работал в угрозыске. Затем, в 1919г., поступил в главную школу всеобуча, окончив которую, перешел в Военно-педагогический институт. Здесь стал писать стихи, «писал днем и ночью», вдохновенно отдаваясь всему новому, что принесла революция. В 1921-м окончил институт и снова попал на Западный фронт, затем в Политотдел. Служил в Управлении внутренними делами Кремля и в военной школе ВЦИК.

Впервые печататься Луговской начал в 1924 г. В 1926 г. вышел первый сборник стихотворений Луговского «Сполохи». Был членом группы конструктивистов, разрабатывал новый размер – тактовик – и создал один из наиболее известных его образцов – посвящённый Гражданской войне «Перекоп» («Такая была ночь, что ни ветер гулевой...»).

Затем были изданы книги «Мускул», «Страдания моих друзей», а также «Большевикам пустыни и весны», созданная в результате поездки в Среднюю Азию весной 1930 г. Тогда же в его стихи вошла тема границы, пограничников. В его стихах отразились многократные путешествия (в республики Средней Азии, Урал, Азербайджан, Дагестан, российский Север, страны Западной Европы). Ему, уроженцу Севера, были близки по духу эти места: пустыни, дороги, горные перевалы и ветер – ветер, как символ бесконечной дороги. Одно из самых известных его стихотворений – «Итак, начинается песня о ветре...» «Слово «ветер» в моих стихах, – писал поэт, – стало для меня синонимом революции, вечного движения вперёд, бодрой радости и силы». Вернувшись домой, он почти сразу отправился в качестве корреспондента «Красной

звезды» с эскадрой Черноморского флота в Турцию, Грецию и Италию. Результатом этого путешествия стала книга «Европа», обобщившая наблюдения автора.

(Эх... Вот как тут не воскликнуть словами его современника, поэта Николая Тихонова: «Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей!» Это же какая насыщенная жизнь, как мотало этих людей по белому свету! Но, видимо, именно из такой насыщенности, из такой концентрированной жизненной энергии может родиться стоящая литература. Писатель должен натаскивать себя на впечатления, они необходимы ему, как воздух.)

Во время войны Владимир Луговской оказался в глубоком кризисе – моральном и литературном. «Броненосец» советской поэзии, как его шутивно называли, оказался не слишком бронированным. Выбрался он из этого кризиса своими последними книгами – «Солнцеворот», «Синяя весна», «Середина века», где раскрылись новые возможности поэта. «Алайский рынок», где Луговской исповедуется, стало одним из удивительных памятников нашего литературного наследия.

В последние годы жизни Луговской создал сборники стихотворений «Солнцеворот», «Синяя птица» и самую значительную в его творчестве книгу поэм «Середина века». В этих поэмах – тревога за судьбы мира, за судьбы человеческой культуры.

Луговской известен также и как талантливый переводчик. Одна из самых больших удач в его творчестве – переводы произведений польских поэтов.

5 июня 1957 Владимир Луговской скоропостижно скончался в Ялте.

Это то, что говорят факты официальной биографии о поэте. А говорить о нем можно много и с любовью, и с восхищением. Он заслуживает этого.

Ветер... Если можно так определить сущность человека, то к Луговскому это слово подходит более всего.

Поэзия Луговского – это сам ветер: «Поезда идут на юг, вдоль твоих перронов, Лозовая!». Поразительно, одной строчкой поэт передал порыв ветра, движение. Ветер – действие, действие – жизнь. Несутся поезда вдоль вагонов, несется сама жизнь. И конечно, знаменитая «Баллада о ветре»:

*Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.*

Ошеломляющая, завораживающая ритмика всего стихотворения. Словно неведомая мантра, заговор на движение:

*Идет эта песня, ногам помогая,
Качая штыки, по следам Улагая,
То чешской, то польской, то русской речью –
За Волгу, за Дон, за Урал, в Семиречье.*

*По-чешски чешет, по-польски плачет,
Казачьим свистом по степи скачет
И строем бьет из московских дверей
От самой тайги до британских морей.*

Не зря Луговского называли советским Кипплингом!.. Жизнь в ее органике и разнообразии, чувственная, движущаяся, ароматная, пряная, пропитанная звуками, шорохами, запахами – в поэзии Луговского.

Поразительная насмешка истории: Луговской родился в 1901 году, в Гражданскую войну сражался на стороне красных, но в литературе потом всё равно долгое время считался буржуазным элементом. Возможно, отчасти подводили происхождение и роскошная внешность: он был высок (даже выше Маяковского), широкоплеч, любил и умел хорошо одеваться. *«Увидев Луговского, мы сразу были покорены. ...Высокая и стройная фигура, широкие плечи, густые, гладко зачёсанные назад, блестящие волосы, просторный пиджак, показавшийся нам неслыханно элегантным, узкие бриджи, пёстрые спортивные чулки», – вспоминали о нём современники. Помимо роскошного голоса, роскошной осанки, роскошной жестикуляции и роскошной шевелюры, у Луговского были ещё и чрезвычайно густые брови. Поэтому его прозвище «броненосец советской поэзии» скоро переделали в «бровеносца советской поэзии».*

Первые тридцать лет после его ухода из жизни переиздавались его книги, сотни тысяч книг.

Случались редкие официальные мероприятия, посвященные ему, и – гораздо более интересные неофициальные. Так называемые «дни рождения Владимира Луговского» в его квартире в Лаврушинском переулке, где супруга – Майя Луговская – собирала жён и любовниц поэта и открывала вечер так: «пусть каждая из нас расскажет о нём». И ведь рассказывали – нежно, с любовью, прощая ему все...

Было многое... И короткий роман с Е.С.Булгаковой, которой он диктовал в Ташкенте строки поэмы «Середина века». В Ташкенте было и общение с Ахматовой, написавшей о нем такие строчки: «Луговской – скорее мечтатель с горестной судьбой, нежели воин». Отсюда и ранимость, и незащитность души, которые резко контрастировали с его внешним несгибаемым обликом. Только одна из его главных Любостей – француженка Этьеннетта – погибла, не могла явиться, но незадолго до смерти Луговской попросил положить ему в гроб подаренный ею в Париже платок. Так и сделали.

А вот почти за четверть века после развала страны вышла всего одна книга поэта Владимира Луговского тиражом полторы тысячи экземпляров.

Его дочь, искусствовед Людмила Голубкина, говорила с горечью: *«Конечно, были недостижимый Пастернак, и Мандельштам, и Ахматова. Мало кто может сравниться с ними. Были поэты более позднего поколения, которые предпочитали не печататься, жили переводами и чтением стихов в кругу друзей. Честь им и слава. Отец был не таким. Он был добр и эгоистичен, тщеславен и крайне неуверен в себе. В чем-то он был очень слаб, но временами почти величаво силен силой мыслей и чувств, проникновения в суть вещей. Громкоголосый и тихий, пафосный и лиричный...»* И далее: *«Мои дети и внуки равнодушны к его поэзии и к его памяти...»*

Коллекцию сабель, которую он собирал с любовью, распродали.

Его нет уже более 60-ти лет. Имя его основательно забыто. Ушли и те, кто любил его, и кто ценил, и кто учился на его творчестве.

Радужный театральный свет гаснет, оставляя, как память о себе, дежурную лампочку сцены... Все проходит...

Нет, не все! Бесследно не исчезает ничего. «Весь я не умру»... Людям всегда остается душа...

Мне дорого его имя. Не только потому, что стояла возле скалы с его сердцем, и не потому, что он был добрым, как о нем говорили.

Но еще и потому, что имя его и поэзия ассоциируется для меня с ветром. А ветром, ох, как возлюблен мой родной город! И еще потому, что подолгу жил в Баку, вместе с С.Вургунном работая над созданием антологии азербайджанской поэзии, и в своих стихах не раз воспевал Баку.

И еще потому, что он умел слышать жизни прошлой голоса. Потому что, как сказал о нем Е.Евтушенко, «*внутри известного советского неплохого поэта... жил загнанный внутрь великий поэт.*»

О голосах прошлой жизни – стихотворение Луговского «Почтовый переулок».

*Дверь резную я увидел
в переулке ветровом.
Месяц падал круглой птицей
на булыжник мостовой.
К порыжелому железу
я прижался головой,
К порыжелому железу
этой двери непростой:
Жизнь опять меня манила
теплым маленьким огнем,
Что горит, не угасая,
у четвертого окна.
Это только номер дома –
заповедная страна,
Только лунный переулок –
голубая глубина.
И опять зажгли высоко
слюдяной спокойный свет.
Полосатые обои
я увидел, как всегда.
Чем же ты была счастлива?
Чем же ты была горда?
Даже свет твой сохранили
невозвратные года.
Скобяные мастерские
гулко звякнули в ответ.
Я стоял и долго слушал,
что гудели примуса.
В темноте струна жужжала,
как железная оса.
Я стоял и долго слушал
прошлой жизни голоса.*

Примечание: При написании эссе были использованы материалы из интернета, воспоминания дочери В.Луговского, искусствоведа Л.Голубкиной, а также материалы из предисловия к сборнику произведений В.Луговского.